

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Алексей Корнелюк
Кафе «Последний визит»
Серия «Когда устал от банального
саморазвития», книга 3

<https://litres.ru/74558968>

SelfPub; 2026

Аннотация

В кафе «Последний визит» есть странная привычка: иногда на обычном чеке появляются два слова — «Последний визит». Никто не знает, кто их печатает и почему. Иногда человек действительно больше не возвращается. Иногда возвращается, если успевает что-то изменить.

Жанна работает здесь поваром и считает это место своим. Пока из общего сбора не исчезают деньги. Она знает, кто взял конверт. Хозяйка тоже знает. Но признаться неудобно, а подозревать Жанну — проще. Потом на её собственном чеке появляется та самая надпись.

Теперь дело уже не в пропавших деньгах. Жанне предстоит узнать, сколько стоит место за общим столом, если за него приходится платить молчанием. А людям, которые называли себя близкими, — решить, что для них важнее: уют, правда или человек, которого проще больше не приглашать.

Тёплый, ироничный и тревожный роман о кафе, где иногда заканчивается визит — и начинается самое неприятное.

Алексей Корнелюк

Кафе «Последний визит»

Кафе «Последний визит»

Фунт лежал на чужой куртке так, будто купил её на распродаже и теперь ждал, когда хозяин перестанет нить по поводу права собственности. Куртка была хорошая: тёмно-синяя, шерстяная, с нормальной подкладкой и пуговицами, которые не пытались оторваться от одного взгляда. Я заметила это, потому что полгода работала в кафе и за это время научилась определять стоимость вещей по тому, насколько спокойно на них спит кот.

— Он на моей куртке, — сказал мужчина у окна.

— Вижу.

— Мне уходить надо.

— Это уже сложнее.

Мужчина посмотрел сначала на меня, потом на Фунта. Фунт не посмотрел ни на кого. У него вообще были замечательные отношения с чужими проблемами: если проблема не пахла рыбой, она переставала существовать.

Я вышла из-за стойки, вытерла руки о фартук и подошла к подоконнику. Куртку мужчина повесил на спинку кресла, потом пересел ближе к батарее, а Фунт воспользовался служебным положением и полностью занял освободившуюся недвижимость. Он весил восемь килограммов, хотя Эмма говорила семь с половиной. Эмма вообще любила округлять неприятные вещи вниз: расходы, собственный возраст и вес

кота.

— Фунт.

Ухо дёрнулось.

— Отдай человеку одежду.

Второе ухо тоже дёрнулось. Переговоры шли успешно.

Мужчина улыбнулся.

— Можно его просто снять?

— Можно. Потом объясните ему лично, почему.

— Он кусается?

— Нет. Он запоминает.

Мужчина решил подождать.

В «Блюдце» люди вообще много чего ждали. Кофе. Человека. Пока дождь закончится. Пока остынет суп. Пока кто-нибудь первым скажет, что вечер получился странный. Иногда я думала, что мы кормим людей именно для того, чтобы им было чем заняться во время ожидания. Потом вспоминала стоимость сливочного масла и переставала романтизировать профессию.

Было без четверти девять утра. Самое хорошее время в кафе: первая волна завтраков уже схлынула, обеденные ещё не пришли, а выпечка пахла так, будто у человечества всё в целом получилось. За окном шёл мелкий ноябрьский дождь. Не настоящий дождь, а московское недоразумение, после которого невозможно решить, брать зонт или просто немного ненавидеть погоду. Стёкла запотели внизу, на улице люди шли быстрее обычного, а внутри Нина Симонова из сосед-

него дома доедала сырники, какой-то студент спал над ноутбуком, и Глеб Юдин объяснял Эмме, почему цветы у входа нужно занести до вечера.

— Минус четыре обещают.

— Ночью.

— Именно ночью они и замёрзнут, Эммочка. Цветы вообще редко умирают в рабочее время.

— Ты опять драматизируешь.

— Я продаю цветы. Мне положено.

Глеб стоял возле стойки в тёмно-зелёном свитере и держал в руках два пустых горшка. У него был магазин через два дома, и он появлялся у нас так часто, что однажды курьер оставил ему нашу коробку с молоком. Глеб коробку принял, расписался и только потом спросил, почему теперь отвечает за молочную промышленность.

— Жанн, тебе базилик нужен? — спросил он.

— Нормальный?

— Нет, специальный плохой принёс.

— Тогда нужен.

— Вот за это я люблю кухню. Никакой благодарности, зато требования ясные.

— Благодарность портит поставщиков.

Рубен, который в этот момент вынимал противень из печи, фыркнул.

— А работников?

— Работников портят владельцы кафе.

Эмма подняла голову от планшета.

— Я всё слышу.

— Значит, система работает.

Рубен поставил противень на решётку. Запахло маслом, дрожжами и жареным чесноком. Он опять сделал свои маленькие булки с травами, хотя мы договорились печь их только по пятницам.

— Сегодня среда, — сказала я.

— Уже заметил.

— Тогда почему они здесь?

— Захотелось.

— Очень профессиональный аргумент.

— У тебя суп вчера был острее, чем договаривались.

— Я исправляла погоду.

— И помогло?

Я посмотрела за окно.

— Нет.

— Значит, чесночные булки ещё имеют шанс.

Рубен был старше меня на восемь лет, но выглядел иногда моложе, особенно когда спорил из-за еды. В остальное время лицо возвращало ему всё недоспанное, неоплаченное и пережитое. Он работал в «Блюдце» три года, я — шесть месяцев, и за эти полгода мы успели выяснить, что он режет лук слишком крупно, а я не умею оставить тесто в покое, если вижу его рядом. На этом строятся хорошие рабочие отношения. Остальное люди придумывают для собеседований.

— Одну дай, — сказала я.

— Они ещё горячие.

— Ты их поэтому сделал?

— Нет, чтобы смотреть, как ты обжигаяешься.

Я взяла булку.

Обожглась.

Рубен кивнул с удовлетворением человека, чья гипотеза только что прошла экспериментальную проверку.

За стойкой Эмма закончила разговор с поставщиком и посмотрела на зал. Ей был пятьдесят один, хотя она сообщала эту цифру только людям, которым доверяла, и врачам, которые всё равно её знали. Тёмные волосы она красила сама, поэтому каждые три недели у неё случался вечер, когда сотрудникам запрещалось звонить с мелкими проблемами. Эмма открыла «Блюдце» девять лет назад и относилась к нему как к человеку, которого любит, но давно перестала идеализировать. Она могла пять минут рассказывать, какой у нас чудесный постоянный гость, а потом обнаружить оставленную им салфетку на полу и сказать:

— Свинья.

Мне это в ней нравилось.

— Фунт опять кого-то удерживает? — спросила она.

— Пока только куртку.

Эмма посмотрела на мужчину возле окна.

— Дмитрий, извините. Сейчас снимем.

— Я не тороплюсь.

— Пять минут назад торопились, — сказала я.

— Я пересмотрел приоритеты.

— Кот улучшает людей.

— Кот улучшает выручку, — сказал Рубен.

Фунт наконец открыл глаза. Посмотрел на мужчину, на меня и тяжело поднялся, всем видом показывая, что согласился исключительно из-за общего падения уровня сервиса. Я сняла куртку, стряхнула несколько чёрных волосков и отдала владельцу.

— Спасибо.

— Счёт пришлём отдельно.

Мужчина засмеялся, надел куртку и ушёл.

Фунт тут же занял освободившееся кресло.

— Вот у кого здоровые границы, — сказала Эмма.

— У него нет границ. У него территория.

В дверь вошёл Стас.

Я не знала его фамилию. Он развозил продукты по нескольким ресторанам в районе и примерно четыре раза в неделю завтракал у нас после первого рейса. Стасу было где-то между сорока и шестьюдесятью — тот возраст, который мужчина может носить лет пятнадцать, если рано поседел, мало спит и не обсуждает косметологию. Он всегда садился за второй стол от окна, заказывал яичницу с беконом без бекона и чай.

Первый раз я уточнила:

— То есть яйца?

— И хлеб.

— У нас это называется яичница.

— А если с беконом без бекона?

— Тогда это яичница с психологической травмой.

С тех пор он именно так её и заказывал.

— Доброе, — сказал Стас, снимая куртку.

— С психологической травмой?

— Сегодня двойная.

— Чай?

— Большой.

Он сел. Фунт посмотрел на него, оценил отсутствие новой куртки в зоне доступа и закрыл глаза.

Я ушла на кухню. Иногда людям кажется, что приготовление завтрака — приятная медитативная работа. Это потому, что они делают один завтрак. Когда их шестнадцать подряд, духовное просветление обычно наступает где-то между третьей сковородой и человеком, который сначала просит яйца всмятку, а потом возвращает их, потому что внутри оказалось жидко.

Я разбила четыре яйца, бросила масло, поставила хлеб. Рубен за моей спиной раскладывал булки.

— Ты сегодня на ужине будешь? — спросил он.

— На каком?

— Который Фаина придумала.

— Она каждый месяц что-нибудь придумывает.

— Дворовый. Большой. Через неделю.

Я вспомнила. Фаина действительно уже несколько дней ходила с папкой, куда записывала людей, блюда и что-то ещё, вероятно, запасные планы на случай государственного переворота.

— Я работаю.

— Ты и готовишь.

— Значит, особенно удачный формат отдыха.

— Она хочет общий стол во дворе.

— В ноябре.

— Навес поставят.

— В ноябре.

— Жанна.

— Я пытаюсь понять, в какой момент человек посмотрел на календарь и решил, что коллективный ужин на улице — хорошая мысль.

Рубен пожал плечами.

— Глеб даст обогреватели.

— Разумеется. Глеб когда-нибудь даст нам электростанцию и объявит это мелочью.

— Он хороший.

— Я не сказала, что плохой.

— Ты сказала это лицом.

— У меня обычное лицо.

— Нет.

Я переложила яйца на тарелку.

— Хлеб.

Рубен протянул мне корзинку.

— Жанн.

— Что?

— Ты придёшь?

Я посмотрела на него.

— Если Фаина даст мне поесть сидя.

— Это отдельный тариф.

Я понесла заказ в зал.

Стас сидел в телефоне. На столе перед ним лежали ключи от фургона, пачка сигарет и маленький детский брелок в форме жёлтого утёнка. Брелок я замечала раньше. Хотела однажды спросить, откуда он, но не спросила. С людьми вообще полезно иногда делать эту сложную вещь — не спрашивать.

— Двойная психологическая травма, — сказала я, ставя тарелку.

— Красиво.

— Нормально.

— Это у вас комплимент?

— Высшая степень.

Он отложил телефон.

— Со следующей недели реже буду.

— Уволили?

— Перевели маршрут.

— Куда?

— Восток. Тут теперь другой водитель будет.

— И кто будет есть яйца без бекона?

— Наладите производство под другого идиота.

— Не факт. У нас очередь.

Стас улыбнулся и начал есть.

Я вернулась к стойке. Эмма разговаривала с Глебом про деньги на общий ужин. Пока не про сумму — про то, кто будет собирать. Фаина хотела наличными, потому что «переводы разрушают дисциплину». Лев предлагал сделать общий счёт. Эмма сказала, что общий счёт у неё уже есть и называется «налоги».

— Жанна, — позвала она. — Ты меню продумала?

— Нет.

— Рубен говорит, продумала.

Я повернулась к кухне.

— Рубен!

— Я сказал «думает»!

— Ты сказал «продумала», — ответила Эмма.

— Значит, оговорился.

— Случайно готовым результатом.

— Я оптимист.

Глеб поставил горшки на пол.

— Сделайте одно большое горячее блюдо. Люди счастливы, когда им дают одну большую кастрюлю.

— Ты сейчас описал бесплатную столовую, — сказала я.

— Или семью.

— Иногда одно и то же.

Эмма улыбнулась.

— Вот. Так и сделаем.

— Что именно?

— Семью.

— Я увольняюсь.

— После ужина.

В «Блюдце» было это неприятное качество: люди быстро начинали разговаривать так, будто знакомы дольше, чем на самом деле. Я пришла сюда в апреле. Сначала собиралась на месяц. До этого четыре года работала на выездных мероприятиях, где кухня каждый раз находилась в новом месте и обязательно в двадцати метрах от ближайшего нормального крана. Свадьбы, конференции, дни рождения, презентации очередного продукта, без которого человечество прекрасно прожило предыдущие пять тысяч лет. Через месяц Эмма спросила, хочу ли я остаться. Я сказала, что подумаю. Через полгода всё ещё думала и знала код от сигнализации.

Мне нравилось, что здесь можно было поставить суп в меню и через два дня снять его, если он оказался дерьмом. Нравилось знать, что Нина Симонова попросит сырники без изюма, хотя изюма у нас там никогда не было. Нравилось, что Рубен оставляет мне корку хлеба, потому что знает: середину я считаю компромиссом. Нравилось даже то, как Эмма сдвигала вазу на два сантиметра и потом весь день ждала, заметит ли кто-нибудь.

Это всё ещё не называлось домом. Я вообще с подозрени-

ем отношусь к местам, которые слишком быстро предлагают называться домом. Обычно потом выясняется, что надо мыть окна.

Стас закончил завтрак ближе к десяти. Я в это время спорила с поставщиком о количестве сливок, поэтому заметила его уже у стойки.

— Сколько с меня?

Лев пробил заказ.

Льву было двадцать семь, он работал у нас четыре месяца и умел одной рукой держать три тарелки, а второй одновременно отвечать в телефоне. Эмму это раздражало. Меня восхищало исключительно с точки зрения моторики.

— Семьсот сорок, — сказал он.

Стас приложил карту.

Терминал пискнул.

Принтер выплюнул чек.

Лев оторвал его и протянул Стасу.

— Вам?

— Давай. Будет доказательство, что я здесь ел.

— Кому?

— Женщине, которая считает, что я питаюсь сигаретами.

— А вы?

— Иногда чай ещё.

Стас взял бумажку, сложил пополам, потом почему-то развернул.

— Это что?

Лев посмотрел.

— Что?

Стас положил чек на стойку.

Я стояла в двух шагах и увидела над итоговой суммой дополнительную строку.

Не мелкий рекламный текст. Не номер заказа. Два слова, напечатанные тем же чёрным шрифтом:

ПОСЛЕДНИЙ ВИЗИТ

— Смешно, — сказал Стас.

Лев взял чек.

— Я ничего не писал.

— Я понял. Чек сам решил со мной попрощаться?

— Может, обновление.

Эмма подошла ближе.

— Покажи.

Лев отдал ей бумагу.

Она посмотрела на неё секунды три. Потом четыре.

Я заметила это потому, что Эмма обычно реагировала быстрее. Разбитая чашка — тряпка. Недовольный гость — разговор. Не пришёл курьер — телефон. У неё почти на всё был следующий шаг.

Здесь следующего шага не оказалось.

— Пробей что-нибудь ещё, — сказала она.

— Что?

— Воду.

Лев взял бутылку из холодильника, пробил.

Принтер зажужжал.

Обычный чек.

Эмма положила два рядом.

— Бывает? — спросила я.

Она подняла глаза.

— Что?

— Такое.

— Принтеры много чего делают.

— Например, составляют завещания?

Стас засмеялся.

— Жанна, хорош.

— Я ничего.

— У меня жена впечатлительная. Не покажу.

Он сунул первый чек в карман.

— Второй возьмите, — сказала Эмма.

— Зачем?

— Нормальный.

— А этот чем плохой?

Эмма чуть помедлила.

— Глупость какая-то.

Стас пожал плечами.

— Может, честный. Я же сказал: маршрут меняют.

Лев посмотрел на него.

— Совсем больше не будете заезжать?

— По дороге — нет. Специально ради ваших яиц через полгорода ездить не стану. Не настолько они хорошие.

— Спасибо, — сказала я.

— Но нормальные.

— Вот теперь можете уходить.

Стас засмеялся, надел куртку и взял ключи. У двери остановился, порылся в кармане и достал жёлтого утёнка вместе с брелоком.

— Видишь, — сказал он, показывая мне. — Всё серьёзно.

— Что это?

— Дочь подарила. Мне было тридцать семь.

— Тогда действительно серьёзно.

— Ей сейчас двадцать два. Думает, что я давно выкинул.

— А вы носите.

— Не сдавай меня.

Он убрал ключи.

— Ладно. Пока.

— Пока.

— До следующей недели, может быть.

Эмма посмотрела на него.

Стас уже открыл дверь.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Он вышел.

Колокольчик над дверью звякнул, впустил немного холодного воздуха и затих.

Фунт поднял голову.

Мы несколько секунд смотрели на дверь так, будто Стас

должен был вернуться и сообщить, что передумал менять маршрут из-за подозрительного отношения персонала.

Не вернулся.

Лев первым нарушил молчание.

— Я проверю настройки.

— Проверь, — сказала Эмма.

Он полез в кассу.

Я посмотрела на второй чек.

Вода. Сто двадцать рублей. Обычная дата, обычное время, обычный номер смены.

— А первый?

Эмма посмотрела на меня.

— Что первый?

— Ты его раньше видела?

— Нет.

Ответ пришёл слишком быстро.

Я ничего не сказала.

На кухне зазвенел таймер.

Рубен высунул голову.

— Если кому интересно, хлеб готов.

— Очень вовремя, — сказала я.

— Он всегда вовремя.

Я пошла обратно.

Через двадцать минут кафе снова было обычным. Пришла женщина с коляской. Нина попросила ещё кипятка. Мужчина в синей куртке вернулся, потому что забыл перчатки,

и обнаружил Фунта теперь уже на шарфе другого человека. Лев нашёл в настройках принтера двадцать семь пунктов, из которых понимал шесть. Эмма позвонила человеку, который обслуживал кассу, и услышала стандартное «наблюдайте, если повторится».

Глеб принёс базилик.

— Нормальный? — спросила я.

— Даже хороший.

— Подозрительно.

— Мне уйти?

— Нет. Оставь и уходи.

— Вот поэтому я к вам возвращаюсь.

Он поставил ящик на пол, посмотрел на меня и улыбнулся.

Я тоже.

Тогда эта фраза ничего не значила.

К обеду я почти забыла про чек. Не специально. Просто пришли люди, загремели тарелки, закончилась сметана, Рубен начал доказывать, что двадцать восемь градусов для теста — это температура, а не мнение, и мне стало некогда думать о двух напечатанных словах.

Только вечером, когда я снимала фартук, увидела Эмму возле кассы.

Она стояла одна.

В руках держала рулон чековой ленты.

Разматывала его примерно на метр, смотрела на белую бу-

магу и снова сматывала.

— Нашла тайное послание? — спросила я.

Эмма вздрогнула.

— Господи, Жанна.

— Извини.

Она положила рулон.

— Пусто.

— Это обычно хорошее свойство бумаги.

— Да.

Я надела куртку.

— Ты домой?

— Через полчаса.

— Зачем?

— Фаина придёт. Обсудим ужин.

— Сочувствую.

— Ты тоже участвуешь.

— Тогда сочувствую нам обеим.

Она улыбнулась. Почти как обычно.

Я пошла к двери. Фунт лежал на стуле возле батареи.

На этот раз стул был свободный. Возможно, даже он иногда уставал от человеческих вещей.

Перед выходом я обернулась.

Эмма уже смотрела в планшет.

Касса стояла рядом.

Обычный серый аппарат, который умел печатать цену кофе, сумму налога и, как выяснилось сегодня утром, иногда

что-то ещё.

Я открыла дверь и вышла в дождь.

На следующий день Стас не приехал.

Глава 2. Стол на всех

На следующий день Стас не приехал. Это ничего не доказывало: человек, который накануне сообщил о смене маршрута, имеет полное право на следующий день оказаться где-нибудь на другом конце города. Особенно если его работа как раз и состоит в том, чтобы ездить по разным концам города. Я всё равно посмотрела на второй стол у окна около девяти, потом ещё раз минут через двадцать и разозлилась на себя за то, что вообще считаю это событием. Пустой стул был просто пустым стулом. Кассовый аппарат был куском пластика с рулоном бумаги. Мир последние несколько тысяч лет прекрасно обходился без необходимости искать в каждом совпадении личное сообщение.

Рубен заметил мой интерес раньше, чем я сама успела его нормально спрятать. Он стоял у разделочного стола, выковыривая косточку из оливки, которая по этикетке обещала быть без косточек, и сказал, что Стас сегодня уже не приедет. Я спросила, когда он успел получить должность пророка. Рубен показал мне косточку и ответил, что после такого перестал доверять даже производителям оливок, так что пророчества сейчас не самая большая проблема. В его исполнении всё выглядело убедительно: сорокашестилетний мужчина в белой футболке, с мукой на предплечье и маленькой косточкой между двумя пальцами, словно именно она подтвержда-

ла существование высших сил.

— Ты третий раз смотришь в зал, — сказал он. — Проверю загрузку, — ответила я. Рубен посмотрел на часы, потом на пустую половину кафе. В девять утра во вторник деловая версия моего поведения выглядела ещё глупее личной. Я бросила в него полотенцем. Он поймал его, повесил на плечо и сообщил, что его собственное как раз мокрое. Так чужая собственность в «Блюдце» обычно и переходила из рук в руки.

Утро было серым, тёплым для ноября и каким-то плохо собранным. Дождь прекратился ночью, но асфальт ещё блестел, машины приезжали мокрые, а люди входили с тем выражением лица, которое обычно появляется после первого взгляда в окно. В зале сидели трое. Нина Симонова из дома напротив ела сырники без изюма, которого в них никогда не было. Молодой парень возле розетки работал за ноутбуком, регулярно хватаясь за голову, будто экран сообщал ему персональные оскорбления. Фунт спал на подоконнике, прижавшись боком к батарее. После вчерашней куртки он выглядел так, будто человеческая одежда была приятным развлечением, но не могла заменить нормальное отопление.

Фаина Рябцева появилась около десяти и сразу принесла с собой ощущение, что наш обычный вторник каким-то образом уже выбился из графика. На ней было серое пальто, красный шарф и выражение человека, вынужденного снова спасти общество от организационной беспомощности. Под

мышкой она держала синюю папку на резинке. Папка была такой толщины, будто внутри лежала не подготовка к дворовому ужину, а документы на раздел крупной нефтяной компании.

Она спросила, где Эмма. Услышав, что та в кабинете, Фаина вздохнула: теперь, по её словам, придётся ждать. Я предложила не ждать вообще. Фаина посмотрела на меня и сказала, что если люди научатся этого не делать, половину литературы можно будет закрыть. После чего села, положила папку на стол и заказала маленький кофе. Через десять минут к кофе присоединились половина булки Рубена, два кусочка сыра и масло. Фаина дома уже завтракала, что совершенно не мешало ей относиться к чужой еде как к дополнительному обстоятельству дня.

Фунт заинтересовался папкой и положил на неё лапу. Фаина сказала ему «нет» тем же тоном, каким могла бы остановить человека, пытающегося войти в вагон без билета. Кот не отступил, просто посмотрел на неё. Я наблюдала за ними и думала, что они удивительно похожи. Оба были уверены, что окружающий мир существует в основном потому, что кто-то должен за ним присматривать.

Когда Эмма наконец вышла из кабинета, папка уже лежала раскрытой. Там оказались списки гостей, схема двора, таблица расходов, план рассадки и отдельный лист, посвящённый посуде. Фаина сообщила, что столов будет четыре длинных. Два возьмём наши, ещё два привезёт Глеб. Эмма

удивилась, откуда у Глеба столько столов. Фаина спокойно объяснила, что один у него есть, второй она видела у Марата на складе. Марат торговал сантехникой. Почему продавец сантехники оказался частью логистики праздничного ужина, никого уже особенно не интересовало. Так работает настоящая организация: в какой-то момент ты просто перестаёшь задавать вопросы.

Я принесла Фаине второй кофе и попыталась уйти, но она поймала меня на слове «меню». Выяснилось, что меню у нас почти готово, хотя я о нём ничего не знала. Вчера я сказала Рубену, что он положил слишком много свёклы в пробный салат. Фаина сочла это достаточным основанием включить блюдо в программу. Рубен, услышав своё имя, вышел из кухни и тут же оказался назначен ответственным за хлеб. Через несколько минут мы все четверо сидели вокруг стола и спорили о еде так, будто от количества горячих блюд зависело будущее государства.

Фаина хотела два горячих блюда: люди разные. Я хотела одно: кухня одна. Рубен предложил большой пирог, Эмма моментально согласилась, а я уточнила, что человек, предложивший пирог на сорок с лишним человек, автоматически за него отвечает. Рубен ответил, что отвечает. На этом пирог перестал быть моей проблемой, и мне даже стало нравиться его существование. С говядиной вышло хуже. Фаина напомнила про тех, кто не ест мясо. Я предложила овощи отдельно. Она спросила, отдельно как отдельное блюдо или

как гарнир. В этот момент я окончательно поняла, почему люди ненавидят совещания: кто-нибудь обязательно задаёт вопрос, который технически разумен и человечески совершенно невыносим.

Эмма наблюдала за нами с удовольствием человека, которому самому готовить ничего не придётся. Я сказала ей об этом прямо. Она напомнила, что хозяйка. Я спросила, это должность или заболевание. Фаина записала что-то в таблицу, даже не подняв головы. Иногда я подозревала, что она фиксирует не только еду, но и наши реплики, чтобы потом использовать против нас.

В «Блюдце» она появилась задолго до меня. Раньше работала в билетной кассе большого концертного зала. Потом кассу закрыли, билеты окончательно переехали в телефон, а Фаина вышла на пенсию и обнаружила, что свободное время — это не отдых, а пустая комната. Если её ничем не заставить, через пару недель в ней начнёшь разговаривать с холодильником. Фаина заставила всё сразу: настольные игры, лекции, поездки, дворовые праздники, чужие дни рождения. У неё были подруги, планы и способность узнать о сломанном лифте раньше диспетчера. Мне нравилось, что она не играла в несчастную одинокую женщину, которой окружающие обязаны обеспечить смысл жизни. Смысл она обеспечивала себе сама. Иногда ещё и всем остальным, даже если они не просили.

К полудню появился Глеб, и Фаина тут же вручила ему

список. Там были два стола, четыре обогревателя, удлинители, складные стулья и ещё какие-то вещи, существование которых он, судя по лицу, до этой минуты не предполагал. На словах «четыре обогревателя» он напомнил, что у него три. Фаина сказала, что четвёртый есть у Марата. Глеб спросил, откуда она это знает. Она ответила: видела. После этого он перестал сопротивляться. У человека всегда остаётся выбор: спорить с Фаиной или сохранить силы на что-нибудь полезное.

Глеб сел у окна и попросил суп. Я поставила перед ним тыквенный. Он удивился: вчера был грибной. Я сообщила, что мир меняется. Он сказал, что после вчерашнего кассового чека уже готов ко всему. Эмма подняла глаза быстрее остальных.

— Какого чека? — спросила она.

Глеб достал телефон. Стас прислал ему фотографию. Не выкладывал публично, просто отправил нескольким знакомым. На снимке был тот самый чек, слегка смятый, с двумя лишними словами над итоговой суммой. Лев, протиравший стаканы, нахмурился: он просил Стаса не разносить это дальше. Глеб пожал плечами. По его мнению, ничего страшного не произошло. Мужчина получил странную бумажку, мужчина отправил её друзьям. Иногда именно так и рождаются мировые религии, только раньше на это уходило больше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.